
Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей¹ (Часть II)

Бруна Барбьери Ваким, кандидат юридических наук (CEUB), профессор, магистр права и учреждений правосудия Федерального университета штата Мараньян, директор по вопросам культуры Института семейного права Бразилии (отдел штата Мараньян) (bu_barbieri@yahoo.com.br)

Статья является продолжением исследования, проведенного автором в Бразилии в период выполнения магистерской диссертации по праву, объектом которого стало изучение феномена родительского отчуждения.

В предыдущей статье, опубликованной в этом журнале, мы обобщили наиболее важные концепции, разработанные в трудах Ричарда Гарднера, Дугласа Дарналла, Эми Бейкера, Мэри Лунд и других психологов, по проблеме синдрома родительского отчуждения.

В первой статье также проанализированы вопросы, содержащиеся в опроснике, и ответы на них с использованием важного и новаторского подхода, согласно которому принудительное семейное отчуждение — это не практика, связанная только с женской аудиторией, в Бразилии это юридический обычай, заключающийся в том, что опека над детьми предпочтительно должна следовать односторонней модели и быть направлена на матерей, потому что матери чаще всего являются отчужденными.

Были также установлены случаи, когда ответственным за практику принудительного отчуждения являлся родитель не опекун или родственники, не являющиеся законными опекунами.

В продолжение публикации результатов исследования в данной статье будут проанализированы другие вопросы опросника, которые включают оценку степени осведомленности участников опроса о феномене родительского отчуждения, а также исследование конкретных ситуаций проживания в воссозданных семьях, таких как отношения родителей и детей с отчимами, мачехами, братьями и

¹ Исследование по данной теме в полном объеме (дипломная работа магистра права и учреждений юридической системы Федерального университета в Мараньяу) опубликовано в виде монографии «Принудительное семейное отчуждение: углубленное исследование отчуждения родителей». Рио-де-Жанейро: Lumen Juris, 2015.

сестрами в новых отношениях.

Ключевые слова: отчуждение от родителей, синдром отчуждения от родителей, взаимоотношения в семье, психологическая неприкосновенность, ребенок и подросток.

Для цитаты:

Бруна Барбьери Ваким. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. (Часть II). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 2. С. 296-308. doi: 10.17759/psylaw.2019090220

For citation:

Bruna Barbieri Waquim. Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part II. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 2. pp.296-308. doi: 10.17759/psylaw.2019090220

ПРАКТИКА РОДИТЕЛЬСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В БРАЗИЛИИ: ВИРТУАЛЬНЫЙ ВОПРОСНИК ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Отвечая на вопрос «Знаете ли Вы, что такое отчуждение от родителей?», из 134 участников исследования только 10 сообщили, что им неизвестно, что это означает.

Три участника ответили, что они не понимают глубоко, что такое отчуждение от родителей, а четыре не отразили собственное мнение, приводя другую информацию в поле ответа.

Два участника сообщили, что никогда не слышали термина «Отчуждение от родителей» до того, как прочитали опросный лист, однако это не мешало им понимать в общих чертах, что это означает.

Остальные 115 участников пояснили самостоятельно, что они понимают под отчуждением от родителей, к которому, по их мнению, относятся главным образом конфликты между отцом и матерью по причине разрыва отношений, в связи с чем один из них настраивает детей против другого, нанося вред его имиджу или оказывая влияние на формирование подходов и мнений ребенка в отношении другого родителя с целью препятствовать здоровым отношениям между ними и таким образом нанести вред этим отношениям.

Тем не менее, можно наблюдать расширение этого традиционного понятия, когда участники рассматривают в качестве жертв как малолетних, так и взрослых детей; членов семьи в целом, чтобы указать, кто фигурирует в качестве активного и в качестве пассивного субъекта отчуждения от родителей; указывают, что это может происходить как при расставании родителей, так и в то время, когда семья еще сохраняется; отчуждение не обязательно исходит от родителей, которые являются попечителями, о чем говорится в двух случаях.

Отвечая на вопрос «Были ли Вы жертвой отчуждения от родителей?», 46 из 134 участников ответили, что не были жертвой отчуждения от родителей, однако один из них сообщил, что не был жертвой отчуждения, поскольку практика отчуждения от родителей была случайной и не носила системный характер; один респондент сообщил, что жертвой отчуждения от родителей являлся его старший брат; восемь утверждали, что, несмотря на наличие подобных конфликтов, они не подверглись их негативному влиянию, и один участник ответил, что однозначно не был жертвой отчуждения, поскольку его отец был действительно ужасным человеком.

Только один участник не смог определиться, был ли он жертвой, в то время как трое других утверждали, что не знают, что такое отчуждение от родителей, а один участник в ответе на вопрос поставил только точку «.» в поле для ответа.

83 участника утверждали, что были жертвами отчуждения от родителей, приводя различные примеры для подтверждения своих слов.

35 участников указали непосредственно на мать как на инициатора отчуждения, в то время как 22 участника указали на отца. Пять участников указали на мачеху, два отметили отчима, пять сослались на членов семьи по материнской линии, и семь сообщили о практике со стороны членов семьи по отцовской линии.

Отвечая на вопрос о том, почувствовали ли они, что действия члена семьи, действовавшего подобным образом (названного в опросном листе «член семьи, инициатор отчуждения»), повлияли на отношения участника с членом семьи, ставшим целью отчуждения, респонденты дали следующие ответы: 13 ответили «не касается», а 46 четко указали, что никогда не отмечали какого-либо влияния на свои отношения с членом семьи, ставшим целью отчуждения.

Один участник отмечает, что, в целом, не ощутил такого влияния, однако он задумывался над тем, что слышал, и решил не позволять родителям втягивать его в свои отношения.

Один участник утверждает, что на его поведение не оказывалось влияние извне, но ему надоели интриги, однако он не углубил свой ответ.

Один участник сообщает, что дистанционирование имело место, но несколько лет назад он сблизился с отчужденным родителем. Один участник утверждает, что, несмотря на то, что он не был жертвой, он считает, что его брат был таковым, поскольку кроме отдаления от своего отца он начал испытывать ненависть и безразличие к нему. Один участник указал только, что ему очень жаль, что его братья и сестры попали в ловушку, устроенную родителями в ходе конфликта.

Один участник считает, что такое поведение не отразилось на его отношениях с отцом, но оказало влияния на его поведение по отношению к другим мужчинам. Один участник ответил, что, наоборот, он дистанцировался от родителя, ставшего инициатором отчуждения, принимая во внимание его поведение. 68 участников однозначно ответили, что, вследствие действий члена семьи-инициатора отчуждения, его отношения с членом семьи, ставшим целью, пострадали.

Отвечая на вопрос о последствиях таких действий для собственного поведения и поступков, участники указывали различные поступки и беседы, отмечая, что влияние члена семьи-инициатора отчуждения является многообразным и по-разному отражается на каждом человеке в зависимости от особенностей каждого случая и от зрелости самого ребенка, попавшего под такое влияние.

На основании ответов можно сделать три важных вывода.

Первый вывод: не все случаи из общей практики отчуждения от родителей положительно воспринимались участниками, поскольку некоторые из них только исполняли определенное желание инициатора отчуждения, испытывая добрые чувства к отчужденному родственнику и сострадая (т. е. отмечали амбивалентность в чувствах).

Второй вывод: те, кто подчинились практике отчуждения от родителей, указывают также на определенные психологические проблемы, касающиеся установления отношений с отчужденным членом семьи или собственных надлежащих отношений.

Третий вывод: подчинение практике отчуждения от родителей привело к отдалению одного или нескольких членов семьи.

Девять участников, в частности, заявили, что лишь после достижения определенного возраста они услышали «версию» члена семьи-жертвы отчуждения и решили восстановить равновесие в семье, поскольку осознали, что стали жертвами эмоциональных манипуляций.

Многие авторы работ по психологии [1; 2] в качестве одного из эффектов психологического воздействия отчуждения от родителей у детей и подростков указывают на «эффект бумеранга».

Можно наблюдать, когда ребенок (главным образом по истечении некоторого времени, повзрослевший) начинает понимать, что он допустил несправедливость по отношению к отчужденному члену семьи, что нанесло значительный вред их отношениям. В результате во многих случаях ребенок восстает против члена семьи-инициатора, способствовавшего отдалению другого [1].

Мнение участников позволяет установить, что, говоря о матерях-инициаторах отчуждения, они указывают на чувство досады, в то время как отцам присуще расстройство и потеря контроля вследствие нового брака бывшей супруги, что подтверждают результаты исследования Ферес-Карнейро [1], свидетельствующие о большей подверженности мужчин чувству фрустрации и провала при расставании, а женщины испытывают в большей степени чувство грусти и одиночества. Это помогает понять, почему к основным причинам, указанным участниками, относятся «месть» (38,81%) и «борьба за власть» (39,55).

При просьбе «Выбрать события, свидетелями которых Вы стали» «наговоры» на отчужденного члена семьи были указаны в качестве наиболее частого способа принуждения к отчуждению от родителей. Эта тактика не случайно используется наиболее часто, поскольку она не требует больших усилий со стороны инициатора отчуждения, трудно доказуема перед властями в связи с отсутствием материальных свидетельств и не дает отчужденному лицу возможности защищаться и опровергнуть аргументы инициатора отчуждения.

Другая стратегия, также наиболее часто упоминаемая участниками, заключается в разглашении детям фактов из интимной и личной жизни супругов.

Силва (Silva) [3] поясняет, что, открывая ребенку во множественных деталях свои негативные чувства и сообщая о плохих моментах отношений с отчужденным членом семьи, член семьи-инициатор отчуждения пытается передать этот негатив ребенку, который, воспринимая не принадлежащие ему переживания, начинает чувствовать обязанность защитить члена семьи, который выглядит жертвой несправедливости.

Таким образом, ребенок заключает договор о лояльности с инициатором отчуждения, принимая во внимание экономическую и материальную зависимость, и даже демонстрирует страх разочарования или неповиновения ему. Если ребенок не подчиняется такой установке и выражает каким-либо образом принятие или поддержку отсутствующего члена семьи, он может быть подвергнут угрозам со стороны члена семьи-инициатора отчуждения быть оставленным или отправленным жить с другим членом семьи. Ребенок в связи с этим вынужден делать выбор между своими родителями, что ни в коей мере не отвечает его гармоничному развитию [3].

Как указывает Мотта (Motta) [4], психологическое принуждение ребенка родителем может осуществляться не только с помощью силы и демонстрации своей власти или возраста, но и, наоборот, путем демонстрации своей слабости, выставляя себя жертвой и требуя по отношению к себе заботы и защиты со стороны ребенка.

Еще одна и более глубокая стратегия заключается в запрете ребенку или подростку проявлять добрые чувства к отчужденному члену семьи, поскольку члену семьи-инициатору отчуждения не нравится, когда ребенок проявляет чувства по отношению к другому родителю и хочет быть вместе с ним.

Эта ситуация описана в специальной литературе как принуждение ребенка к «конфликту лояльности», когда родители заняты дискредитацией и понижением авторитета другого родителя с целью заполучить детей и иметь их только в своем распоряжении. Несмотря на то, что многие дети пытаются поддерживать лояльность к обоим лицам, отвечающим за них, в случае нарастающей враждебности между последними дети стараются присоединиться к родителю, которого они воспринимают позитивно, и отдалиться от другого, который ассоциируется у них с негативным поведением [2].

Такие исследователи, как Браун (Brown), Воллерштейн (Wallerstein) и Келли (Kelly), Гжибовски (Grzybowski), на которых ссылается Соуза [2], указывали в своих исследованиях на то, что с разрывом супружеских отношений роли матери и женщины могут претерпевать изменения, поскольку женщина удаляется от социальных отношений и возвращается почти исключительно к связи мать—ребенок. Это также меняет положение детей, которые становятся источником заботы и советчиками, принимая на себя обязанности, несовместимые с их психологическим и эмоциональным развитием.

Отвечая на вопрос, могут ли они указать на ущерб своему психологическому состоянию в связи с конфликтами с такими членами семьи, 45 участников утверждали, что этого не было, шесть участников ответили, что вопрос их не касается, и только один участник написал, что он не может утверждать, был ущерб или нет.

Один участник ограничился ответом, что проходит терапию, чтобы избежать этого влияния на себя. Один участник сообщил, что, даже несмотря на отсутствие практики отчуждения от родителей в его жизни, факт развода родителей отразился на его детстве, особенно на отношениях в школе.

Один участник указал, что именно скандалы, предшествовавшие разводу, отразились на его эмоциональном состоянии, а не сам развод родителей. Один участник указал, что, несмотря на то что он никогда не испытывал такой травмы, обращается в творчестве к этой теме. С другой стороны, 78 участников утверждали, что это отрицательно отразилось на их психологическом состоянии.

Отвечая на вопрос о том, считают ли участники, что поведение члена семьи, ставшего целью отчуждения, способствовало тому, чтобы член семьи-инициатор отчуждения поступал таким образом, 54 участника отметили, что поведение члена семьи, ставшего целью, не способствовало такому поведению члена семьи-инициатора отчуждения.

Один участник написал, что только «пострадал», 14 других ответили, что «не касается». Один участник отмечает, что член семьи, ставший целью отчуждения, способствовал этому «частично», поскольку невыполнение с его стороны своих финансовых обязательств оправдывало давление матери на участника с целью предотвратить контакты с отцом.

Один участник сообщил лишь, что член семьи, ставший целью отчуждения, всегда рассматривался только как работник и глубокое понимание отсутствовало. Один участник ограничился ответом, что «его проблемы не должны рассматриваться как проблемы всей семьи». Один участник ответил лишь, что несмотря на то, что его мать считала себя правой «и точка» и не интересовалась остальным, ничто не давало ей права ставить ребенка под «перекрестный огонь» родителей.

Один участник утверждает, что проблема заключалась не в поведении отца, а в сильном разочаровании матери и ее эмоциональной неуравновешенности. 60 участников подтвердили, что поведение члена семьи, ставшего целью отчуждения, способствовало тому, чтобы член семьи-инициатор отчуждения поступал таким образом.

Чтобы подтвердить это утверждение, несколько участников упомянули поведение члена семьи, ставшего целью отчуждения, которое, по их мнению, этому способствовало.

Чаще всего участники указывали на следующее: 1) отчужденный член семьи отделился по собственному желанию (главным образом в связи с созданием новой семьи); 2) отчужденный член семьи бездействовал, вел себя пассивно, избегая конфронтации с членом семьи-инициатором отчуждения; 3) отчужденный член семьи также превратился в инициатора отчуждения, замкнув порочный круг агрессии и поиска жертв.

Ответы на вопрос о том, что, по их мнению, отчужденный член семьи должен был предпринять, чтобы избежать отдаления, были определены в 9 основных групп: отчужденный член семьи должен был проявлять больше настойчивости для получения возможности общаться с детьми; должен был бороться за детей в суде; должен был выполнять родительские обязанности / быть лучшим родителем; должен был искать возможности для диалога с членом семьи-инициатором отчуждения; должен был предпринимать попытки исправить собственные ошибки / искупить свою часть вины;

должен был более активно выражать свое мнение / противостоять члену семьи-инициатору отчуждения; должен был игнорировать члена семьи-инициатора отчуждения и уделять больше внимания детям; должен был решать проблемы с бывшим партнером, не вовлекая в это детей; должен был обратиться к психологу/терапевту.

Опросный лист показал интересную картину практики отчуждения от родителей в бразильских семьях, требующую новой номенклатуры, о которой говорится в следующем разделе.

ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ О «ПРИНУДИТЕЛЬНОМ СЕМЕЙНОМ ОТЧУЖДЕНИИ»

Специальное выражение «Принудительное семейное отчуждение» предложено с целью расширения составляющих элементов для понимания отчуждения от родителей с психической и юридической точки зрения.

Этот термин необходим для установления различия между основным понятием «Отчуждение от родителей» и его разновидностями, такими как «Синдром отчуждения от родителей», «Принудительное отчуждение от родителей» и «Принудительное семейное отчуждение».

Первая разновидность представляет собой совокупность симптомов, касающихся детей и подростков, пострадавших от программирования с целью отвергнуть какого-либо члена семьи или внушить страх по отношению к нему. Вторая разновидность как совокупность поступков одного из родителей направлена непосредственно на то, чтобы навредить отношениям другого родителя с ребенком, в целом сохраняя при этом единую семью.

И, наконец, третья разновидность, которой является «Принудительное семейное отчуждение» как совокупность поступков одного или более членов семьи с целью воспрепятствовать исполнению основного права на взаимоотношения в семье между детьми и подростками и другими членами семьи.

В отличие от значения термина «Синдром отчуждения от родителей», термин «Принудительное семейное отчуждение» направлен на юридический анализ темы порочного поведения взрослого, как сознательного, так и неосознанного, наносящего вред отношениям ребенка или подростка с другим членом семьи. Следует также обратить внимание на то, что при этом имеет место принуждение к отрицанию или почитанию, что в свою очередь может способствовать укоренению синдрома, о чем пишет Гарднер, и что является вмешательством в формирование психики ребенка.

Не только дети и подростки, но и все члены семьи, которые в связи с молодостью или старостью подвержены процессу программирования или манипулирования с целью отдаления от других членов семьи, взаимоотношения с которыми очень важны для поддержания их здоровья и безопасности, могут стать жертвами практики принудительного семейного отчуждения.

В бразильской юриспруденции встречаются конкретные случаи, когда пожилые люди после потери определенной части рассудка подвергались манипулированию со стороны детей, внуков и других родственников главным образом из финансовых соображений.

В качестве примера приведем решение по апелляционному делу № 70048050850/2012 — RS, которое рассматривалось Судом юстиции штата Риу-Гранди-ду-Сул. 1. Подан апелляционный иск в связи с несогласием заявителя с назначением сестры окончательным попечителем недееспособной матери. 2. Отказ в обвинении, связанном с нарушением принципа равенства перед судом, поскольку брату и сестре были обеспечены одинаковые условия, оба в соответствии с материалами дела могли высказывать свое мнение в отношении другой стороны, и заявитель предоставил большое количество документов, которые он считает уместными для рассмотрения дела. 3. Документы, прилагаемые к апелляции, оценке не подлежат, поскольку большая часть из них не соответствует требованиям ст. 397 ГПК и не относится к предмету спора. 4. Ходатайство о предварительной опеке, рассматриваемое в срочном порядке, о присуждении заявителю финансовой помощи не подлежит рассмотрению, поскольку выходит за пределы данного спора, касающегося только вопроса лишения права на опеку. Возможные претензии относительно наказания должны решаться по месту. 5. Рассмотрение фактов позволяет сделать вывод о необходимости сохранения попечительства за дочерью в качестве наиболее приемлемого варианта, поскольку она исполняет свои обязанности, и в связи с отсутствием каких-либо оснований для снятия с нее обязательств. На самом деле заявитель пытается взять на себя попечительство над матерью, чтобы получить за это вознаграждение, что лишено какого-либо смысла, поскольку основной целью является защита недееспособного лица, а не заявителя. Притязания отвергнуты. Апелляция отклонена.

Дети плетут интриги с остальными братьями и сестрами, чтобы самостоятельно распоряжаться финансами пожилых родителей, получая за них социальные выплаты, выступая от их имени и по их реквизитам в финансовых учреждениях или получая любого рода оплату за «уход» и за «присмотр». Внуки отстраняют пожилого родственника от остальных членов семьи, чтобы повлиять на него, с целью получить выгоду от завещания или распоряжения имуществом. Такие печальные случаи встречаются нередко.

В таких ситуациях какое-либо лицо, которое находится в привилегированном положении как член семьи или считается таковым, пользуется физической и/или умственной слабостью пожилого лица с целью получить преимущества, даже если для этого нужно отдалить его от тех, кто оказывает моральную и материальную поддержку.

Таким образом, в конкретных ситуациях, когда какое-либо лицо пользуется эмоциональной, физической и/или умственной слабостью пожилого лица, чтобы отдалить его от членов семьи и друзей и чтобы получить определенные преимущества, ненадлежащее вмешательство в психологическое состояние пожилого лица является неправомерным, с учетом несправедливости нарушения фундаментального права на взаимоотношения в семье, а также моральное насилие над манипулируемым пожилым лицом и членами семьи, которые страдают от этого.

И, наконец, во многих «традиционных» случаях отчуждения от родителей заинтересованность в получении пенсии или получении финансовой выгоды является основным мотивом самой практики отчуждения.

На данном примере можно продемонстрировать потенциальные возможности для академических исследований по вопросу.

Не только родители, но и другие члены семьи могут стать жертвой принудительного отчуждения: не только отец или мать, но и братья, и сестры от других браков, дедушки и бабушки, отчимы и мачехи, а также все другие, имеющие к этому отношение лица, которые могут оказать влияние на эмоциональное состояние ребенка или подростка, что ставит под сомнение используемый термин «Отчуждение от родителей».

Точно так же практика принудительного отчуждения касается не только исключительно другого родителя, но и наносит вред отношениям ребенка со всей семьей этого родителя, поэтому предлагаемое выражение в большей мере соответствует реальности в части, касающейся пассивных субъектов этого зла.

Принимая во внимание новое выражение, традиционный сценарий развития «Синдрома отчуждения от родителей», когда один из супругов пользуется незрелостью ребенка в целом, чтобы навредить бывшему партнеру путем вмешательства в психологическое развитие ребенка, получает более широкое определение, которое не связано только с супружеским кризисом и не ограничивается подтверждением симптомов, перечисленных Гарднером, касающихся психосоматических проявлений у ребенка или подростка.

Принятие этого выражения, конечно же, сделает тему более объективной, позволит использовать в работе органов юстиции понятие принуждения к необоснованному семейному отчуждению, которое с данного момента рассматривается в исследовании как нарушение фундаментального права на здоровые взаимоотношения в семье, а также избежать вмешательства в дискуссии (и судебные процессы) необходимостью определения диагноза сопутствующего синдрома, отсутствующего в лексиконе членов учреждений юридической системы. Как видно из этой работы, окончательный ответ не всегда может быть предоставлен специалистами в области психологии.

Принимая во внимание вышесказанное, предлагается следующая концепция: принудительное семейное отчуждение в целом представляет всю внутрисемейную и внесемейную практику, когда член семьи, действуя сознательно или несознательно, провоцирует или стимулирует охлаждение привязанности, уважения и лояльности со стороны ребенка, подростка, пожилого лица или совершеннолетнего недееспособного лица по отношению к другому(им) члену(ам) семьи, принося вред или препятствуя пользованию правом на взаимоотношения в семье, воздействуя на их психологическую неприкосновенность и гармоничные отношения в семье [5].

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Данное исследование проливает свет на тему отчуждения от родителей и представляет материал для дискуссий с целью углубленного рассмотрения поднимаемых в ней вопросов.

На основании собранных в данном исследовании данных можно сделать следующие выводы:

а) несмотря на ассоциации, принудительное семейное отчуждение практикуется не только женщинами, хотя в соответствии со статистическими данными активная роль инициатора отчуждения отводится именно ей. Это связано со сложными социальными, юридическими и даже экономическими факторами, такими как миф о материнстве,

трудности культурного характера, связанные со свободным исполнением родительских обязанностей, и стереотип. юридической практики, заключающийся в том, что попечительство над ребенком должно осуществляться по односторонней модели, то есть матерью;

b) практика принудительного семейного отчуждения не ограничивается условием попечителя ребенка, поскольку отмечались различные случаи, когда эти действия исходили от родителя, не являющегося попечителем, или даже членов семьи, которые были далеки от попечительства;

c) отцы и матери являются основными жертвами практики принудительного семейного отчуждения, что отражается на братьях и сестрах от предыдущих браков, дедушках и бабушках, отчимах и мачехах, достигая основной цели и нанося вред отношениям между родителями и детьми;

d) идея существования принудительного семейного отчуждения и его последствий еще не прижилась в обществе в целом, поскольку только после того, как появился опросный лист, участники приняли участие в обсуждении, а также четко и емко заявили о практике поступков подобного рода как недопустимых;

e) практика принудительного семейного отчуждения не всегда имеет стандартную схему «инициатор отчуждения и отчужденный», в нее также вовлекаются другие члены семьи;

f) при рассмотрении отдаления отчужденного члена семьи в судебном порядке необходимо учитывать три момента: произошло ли отдаление по собственной воле отчужденного члена семьи, имело ли место бездействие или пассивность отчужденного члена семьи во избежание конфликтов с членом семьи-инициатором отчуждения и стало ли отдаление следствием того, что безразличие или отсутствие внимания со стороны ребенка воспринимаются как реальные, а не как результат манипулирования им со стороны инициатора отчуждения.

Литература

1. *Feres-Carneiro Terezinha. Parental alienation: a psychological reading // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008.*
2. *Souza Analicia Martins de. Parental Alienation Syndrome: A New Topic in Family Judgments. São Paulo: Cortez, 2010.*
3. *Silva Denise Maria Perissini da. Legal psychology in the Brazilian civil process: the interface between psychology and law in family and childhood issues. 2. ed. Rio de Janeiro: Forense, 2012.*
4. *Motta Maria Antonieta Pisano. The syndrome of parental alienation: identification, its manifestation in Family Law, possible interventions // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008.*

Бруна Барбьери Ваким. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. (Часть II). Психология и право psyandlaw.ru 2019. Том 9. №2. С. 296-308.

Bruna Barbieri Waquim. Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part II. Psychology and law psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.2. pp. 296-308.

5. *Waquim Bruna Barbieri. Induced Family Alienation: deepening the study of Parental Alienation. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2015.*

Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part II.

Bruna Barbieri Waquim, PhD (in Law), Professor, Master of law and institutions of justice of the Federal University of Maranhão (UFMA), president of the Institute of Family Law in Brazil (Maranhão State Department) (IBDFAM / MA) (bu_barbieri@yahoo.com.br)

The article is a continuation of the publication of the results of a study conducted in Brazil with a view to studying the phenomenon of alienating children from their parents. In continuation of the publication of the results of the questioning of children of divorced parents, the article analyzes other questions of the questionnaire that include an assessment of the level of awareness of the respondents about the phenomenon of parental exclusion, as well as the study of specific situations of living in recreated families, such as relations between parents and children with stepfathers, stepmothers, brothers and sisters of new relationships. The conclusion of the article concludes with the theoretical and practical aspects of forced family alienation. The study sheds light on the problem of alienation from parents and presents material for discussions with a view to in-depth consideration of the issues raised in the article.

Keywords: parental alienation, parental alienation syndrome, family living, psychological integrity, child and teenager.

References

1. Feres-Carneiro Terezinha. Parental alienation: a psychological reading // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008.
2. Souza Analicia Martins de. Parental Alienation Syndrome: A New Topic in Family Judgments. São Paulo: Cortez, 2010.
3. Silva Denise Maria Perissini da. Legal psychology in the Brazilian civil process: the interface between psychology and law in family and childhood issues. 2. ed. Rio de Janeiro: Forense, 2012.
4. Motta Maria Antonieta Pisano. The syndrome of parental alienation: identification, its manifestation in Family Law, possible interventions // Parental Alienation Syndrome and Guardian Tyranny: Psychological, Social and Legal Aspects. Organized by the Association of Separate Parents and Mothers. Porto Alegre: Equilíbrio, 2008.

Бруна Барбьери Ваким. Принудительное семейное отчуждение: новые данные и новые мнения относительно отчуждения от родителей. (Часть II). Психология и право psyandlaw.ru 2019. Том 9. №2. С. 296-308.

Bruna Barbieri Waquim. Induced family alienation: new data and new considerations on parental alienation. Part II. Psychology and law psyandlaw.ru 2019. Vol. 9. no.2. pp. 296-308.

5. Waquim Bruna Barbieri. *Induced Family Alienation: deepening the study of Parental Alienation*. Rio de Janeiro: Lumen Juris, 2015.